

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Е. А. Проценко

Воронежский филиал Российского государственного социального университета

Статья посвящена проблеме межъязыковых взаимодействий на лексическом уровне. Автор разграничивает понятия лексическое заимствование, межъязыковое перекодирование и кодовое переключение. В статье представлена попытка анализа и классификации различных языковых явлений, объединяемых общим термином “лексика иноязычного происхождения”.

Проблема использования лексики иноязычного происхождения обсуждается уже на протяжении двух столетий и является в этом плане традиционной в лингвистике. Еще в XIX в., в эпоху, когда реальное двуязычие стало неотъемлемым признаком определенного социального статуса, противоречие между отсутствием прямой необходимости в употреблении иноязычного слова, возможностью заменить его русским эквивалентом, с одной стороны, и обилием иноязычных вкраплений в произведениях русской литературы, с другой стороны, привлекло внимание исследователей. Однако, первоначально господствовавший нормативный подход, который “означает научно взвешенную оценку этого процесса и его результатов — иноязычных слов, появляющихся в речи” сменился в XX в. аналитическим, предполагающим “объективное изучение и всесторонний анализ процесса заимствования” [5, 56].

Во второй половине XX в. интерес исследователей концентрируется главным образом на определении природы и статуса иноязычной и заимствованной лексики, что связано со все возрастающим стремлением приблизиться к выявлению всех сложных и многообразных связей и отношений как в системе одного языка, так и в сфере межъязыковых взаимодействий. Тем не менее, к концу XX в. была обнаружена “приблизительность самого определения иноязычных вкраплений <...> и неясность их положения среди всех языковых средств, находящихся вне системы русского литературного языка” [9, 9—10]. Действительно, несмотря на постоянный интерес исследователей к проблеме использования иноязычной и заимствованной лексики, ни одна из предложенных классификаций не получила общего признания и не закрепились в современной науке о языке.

Новый всплеск “популярности” данной проблематики на рубеже XX и XXI в. объясняется не

только ее теоретической, но и практической значимостью. В связи с масштабами “нашествия “престижных” англо-американизмов”, данная проблема приобрела особую актуальность во всемирном масштабе [14, 25—26]. Более того, становление национальных языков бывших союзных республик в качестве государственных языков и характерное для современной языковой ситуации в СНГ русско-национальное двуязычие стимулируют рост исследований, посвященных изучению соотношения языков в сознании и речи говорящего билингва.

Проблема иноязычной и заимствованной лексики продолжает обсуждаться в рамках различных наук и научных дисциплин: социолингвистики — в связи с проблемой языковых контактов (В. Ю. Розенцвейг, О. А. Пылакина, Н. И. Голубева-Монаткина, В. Н. Базылев, Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, У. Вайнрайх, Э. Хауген, J. Gumperz, S. Slabbert, R. Finlayson и др.); психолингвистики — в связи с проблемой билингвизма (А. А. Леонтьев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Е. М. Верещагин, В. В. Куцова, И. Р. Батищева, В. В. Юртайкин, Ф. А. Веллугина, К. Becker, J. Lipski и др.); лингвистики — как в рамках стилистики и лингвистики текста (Ю. Т. Листрова-Правда, М. П. Петров, В. В. Шмелькова, Е. А. Маймескул, Д. К. Жане, З. Г. Османова и др.), так и в сфере лексикологии (Л. П. Крысин, Ю. С. Сорокин, Н. П. Тимофеева, Л. П. Ефремов, А. Е. Супрун, А. И. Киндеревиц, Я. К. Радевич-Винницкий, А. М. Бабкин, Р. Auer, C. Myers-Scotton и др.); переводоведения (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, Л. Н. Наумова, Л. М. Макаров).

Уже сам факт существования таких разнонаправленных исследований свидетельствует о том, что вышеназванная проблема является комплексной и многоаспектной. Думается, что ее решение возможно только в результате интеграции знаний, накопленных в рамках разных подходов. Попытку сопоставления и систематизации различных аспектов проблемы в рамках интегративного подхода и

представляет настоящая работа. Тем не менее, не претендуя на всесторонний охват исследуемой проблемы, мы выделили в качестве основных три аспекта: семиотический, общелингвистический и литературоведческий.

Семиотический аспект предусматривает разработку общих закономерностей передачи информации посредством языка как канала связи, “дает ту широту обзора, которая позволяет понять принципы, самую суть” и выделить в разнообразных и сложных объектах главное и существенное [11, 24].

Общелингвистический подход обеспечивает разноплановое исследование языковых явлений: в отношении к обозначаемым предметам или явлениям (т. е. в плане семантики); в отношении к другим языковым единицам (т. е. в плане синтактики); в отношении к человеку (т. е. в плане прагматики). Исследование в плане стилистики предполагает изучение индивидуально-авторского стиля, особенностей словоупотребления писателя. Изучение основ и механизмов переключения кодов требует привлечения данных психолингвистики. Лексикография служит способом представления и систематизации материала.

Литературоведческий подход предполагает выявление взаимосвязи между художественным кредо писателя, его “картиной мира” и используемыми языковыми средствами.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с межъязыковым перекодированием и переключением языковых кодов, широко обсуждаются уже не одно десятилетие, проблема типологии образованных в результате единиц до сих пор остается одной из самых острых. Принимая во внимание как широкий спектр явлений, образованных в результате межъязыковых взаимодействий, и учитывая неоднозначность толкования даже таких общепринятых терминов, как, например, заимствованная или иноязычная лексика, мы будем использовать в дальнейшем самое широкое и нейтральное понятие “лексика иноязычного происхождения”.

Основные положения, ставшие традиционными в современной лингвистике, были разработаны в 50—70 гг. В это время активно обсуждается проблема классификации заимствованной лексики, в рамках которой изучаются различные категории явлений. Исследуется так называемая экзотическая лексика, которая передает “специфику условий жизни, обычаев, истории” других народов и придает “описанию определенный национально-исторический колорит” [15, 51]. Ставится вопрос о возможности выделения интернациональной лек-

сика, которая определяется как “лексические единицы, представляющие собой фонетические и морфологические варианты слов или морфем, распространившиеся из одного первоисточника в неродственные языки и имеющие в этих языках сходную семантику и графику” [10, 44].

Особого внимания заслуживает недооцененная, по нашему мнению, идея М. М. Маковского о том, что интернационализмы являются по существу заимствованиями. Их принципиальное отличие заключается в способе рассмотрения. Так, если при исследовании в рамках одного определенного языка (т. е. “по вертикали”) выявляются собственно заимствования, то при установлении связи между заимствованиями, обнаруженными в разных языках (т. е. в “горизонтальном плане”), выявляются интернационализмы [10, 45].

Развивая эту мысль, мы считаем целесообразным разграничить три направления исследования: 1) сопоставительное исследование между разными языками с целью установления степени идентичности параллельно существующих в нескольких языках заимствований (в зависимости от масштабов распространения могут быть выявлены интернационализмы, регионализмы и т. д.); 2) сопоставительное исследование в рамках двух языков — языка-источника (ЯИ) и языка-приемника (ЯП) с целью изучения преобразований, которым подвергается заимствованное слово в ЯП (подобный анализ может служить превосходным материалом при решении проблем “давления системы”); 3) исследование отношений между заимствованной единицей и другими единицами системы ЯП.

Термин “иноязычные вкрапления” был введен А. А. Леонтьевым, который предложил типологию лексических средств иноязычного происхождения, построенную на основе аналитической дистрибутивной модели с независимыми уровнями. Под иноязычными вкраплениями (или вставками) в широком смысле автор понимает различные языковые единицы, включающие иностранные элементы как минимум на одном из четырех анализируемых уровней (лексемном, морфемном, фонемном или уровне звукотипов). Таким образом, в зависимости от соотношения русских и иноязычных элементов в структуре модели выделяются 16 типов, среди которых полным иноязычным вкраплением считается “полное вытеснение основной модели”, т. е. вставка в русский текст определенного отрезка на иностранном языке. Обычное заимствование определяется как “иноязычное слово, выступающее в русском грамматическом оформ-

лении, с русифицированной семантикой и в русифицированной звуковой форме” [7, 62].

Несмотря на то, что разработанная А. А. Леонтьевым классификация не может быть признана универсальной в силу определенных ограничений (см. [9, 14—15]), ее основное достоинство, по нашему мнению, заключается в том, что автор подвергает анализу различные формы взаимодействия языковых систем (в том числе такие сложные, как варваризмы, “т. е. неправильное семантическое употребление русских слов”, ломаная речь и др.), хотя не все они обозначаются соответствующими терминами. Таким образом, основное значение вышеуказанной работы А. А. Леонтьева мы видим в попытке отразить в своей типологии целый ряд промежуточных явлений, “едва ли вообще поддающихся четкой классификации в общелингвистическом плане”, по мнению О. Б. Шахрай [18, 58].

Термин “иноязычные вкрапления” прочно укрепился в лингвистике, однако в более узком значении, чем его употреблял А. А. Леонтьев. Так, Л. П. Крысин, внесший значительный вклад в разработку проблемы иноязычной и заимствованной лексики, разграничивает иноязычные вкрапления, заимствования и экзотизмы. Основное отличие вышеуказанных типов автор видит в соотношении с системой употребляющего их языка, а также в причинах их использования [6, 49]. Так, заимствованная лексика включается в состав ЯП (хотя и относится к лексической периферии), а ее употребление “обычно вызывается необходимостью, вытекающей из коммуникативной функции языка” [6, 49], тогда как иноязычные вкрапления “не принадлежат системе использовавшего их языка” и их появление обусловлено “степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи” [6, 47].

Особо следует отметить также монографию Ю. Т. Листровой-Правды “Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX в.”, в которой представлена попытка автора создать “полную картину применения иноязычных вкраплений во всех типах текстов — оригинальных и переводных, разных функционально-речевых стилей и жанров — на протяжении XIX в.” [9, 3]. Термин “иноязычные вкрапления” используется в данной работе как общее название нескольких типов явлений. Он объединяет как разные виды иноязычных вкраплений (полные, частичные, контаминированные), так и “речевое (оказиональное) лексическое заимствование” и “речевой (оказиональный) экзотизм”.

Ю. Т. Листровой-Правдой разработаны две классификации анализируемых явлений: с точки зрения соотношения с системами контактирующих языков и с точки зрения степени связанности с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Несмотря на неоспоримую ценность последней классификации, мы подробнее остановимся на первой, в основу которой положен тип “соотношения вкраплений с системами контактирующих языков (языка-источника и принимающего языка)” [9, 24]. С этой точки зрения автором выделяются:

1. полное иноязычное вкрапление, представляющее собой вставленный без всяких изменений в принимающий текст отрезок текста на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетание; междометие, обращение, часть сложного предложения, вставная или вводная конструкция);

2. частичное иноязычное вкрапление, представляющее собой слово, словосочетание, предложение или более крупный отрезок иностранного текста, в той или иной мере (фонетически или морфологически) ассимилированные в языке или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения;

3. контаминированное, или русско-иноязычное вкрапление (явление “ломаной” речи), представляющее собой русское слово, словосочетание или предложение (или отрывок текста), употребленное по законам другого языка (или с нарушением законов русского языка);

4. нулевое вкрапление, представляющее собой обычный русский переводный текст или отрывок такого текста, включенный в оригинальную русскую речь [9, 24—26].

Указанные разряды подразделяются в свою очередь на несколько типов в зависимости от семантики, звукового оформления, морфологических, синтаксических и графических характеристик.

Качественно новый этап в исследовании данной проблематики связан с внедрением и распространением семиотических идей в лингвистике. Уже в 60—70 гг. в зарубежной лингвистике ставится вопрос о переключении кодов как одном из видов межъязыкового взаимодействия. У. Вайнрайх, одним из первых обратившийся к исследованию языковых контактов в условиях дву- и многоязычия, в своем основополагающем труде “Languages in contact”, ставшем чуть ли не энциклопедическим для следующего поколения исследователей, выделил три типа взаимодействия языков: 1) языковой

сдвиг — в случае, когда “язык А может быть вообще заменен языком В”, 2) переключение с языка на язык — в случае, когда “языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки”, 3) слияние языков, т. е. смешение языков А и В “в единую языковую систему” [2, 28]. Интересно отметить, что У. Вайнрайх одним из первых указал на наличие “взаимосвязей между языковыми, психологическими и общественно-культурными факторами” языковых контактов, точное описание которых предполагает применение “целого комплекса смежных наук”, что в принципе соответствует нашему пониманию интегративного подхода.

Э. Хауген, посвятивший данной проблеме целый ряд работ, представляет разные виды языкового взаимодействия как “непрерывный континуум”, на одном конце которого располагается переключение кодов (code switching), а на другом — их полная интеграция или смешение. Промежуточной стадией, по Хаугену, является наложение двух языковых систем, т. е. интерференция. [16, 69—70]. Такой взгляд определенным образом перекликается с уже цитированным выше высказыванием О. Б. Шахрай о существовании “промежуточных явлений” и представляется нам правомерным в виду большого объема и разнообразия языковых явлений, образованных в результате взаимодействия языковых систем.

Семиотический подход и последовательное проведение принципа определения языка как системы знаков требует, на наш взгляд, пересмотреть некоторые положения классификации лексики иноязычного происхождения. Так, в приведенной выше классификации Ю. Т. Листовой-Правды среднее звено между собственно иноязычными единицами (полное иноязычное вкрапление) и нулевым вкраплением (в данном случае — русским текстом) образуют два разряда, причем оба по существу представляют результат смешения двух контактирующих языковых систем. Их отличие заключается в том, системе какого языка (инострannого или основного) принадлежит языковое явление, подвергшееся контаминации. В результате единицы, перекодированные в соответствии с правилами ЯП и имеющие сходные характеристики, попадают в разные разряды в силу различия ЯИ. Так, “иноязычное слово или словосочетание, употребляемое с семантикой, свойственной русскому языку” в русской графике, например, *нуркуа ву туше* считается частичным иноязычным вкраплением, тогда как “русское слово в иноязычном грамматическом

и звуковом (графическом) оформлении с семантикой, чуждой русскому языку” [Листрова-Правда 1986:25], например, *baboulinka* признается контаминированным вкраплением. Подобная ориентация на ЯИ понятна и безусловно правомерна в рамках исследования русской литературной речи, однако представляется нецелесообразной с точки зрения семиотического аспекта проблемы.

Для разработки общих закономерностей межъязыковых взаимодействий более продуктивной в этой связи является, на наш взгляд, идея противопоставления единиц основного языка или языкового кода и иноязычных единиц. Под основным кодом имеется в виду язык, который является базовым, основным, но не единственным в рамках данного коммуникативного акта. (Ср. matrix language в понимании Myers-Scotton) Так, для приведенных выше примеров *нуркуа ву туше* и *baboulinka*, которые противопоставлены по соотношению ЯИ и ЯП, основным языковым кодом является русский язык.

Отметим также, что цитированный выше пример межъязыкового перекодирования (*baboulinka*), хотя и является по существу результатом контаминации и потому правомерно отнесен к русско-иноязычным вкраплениям, значительно отличается от явлений “ломаной речи”, в ряду которых он рассматривается. Так называемая “ломаная речь” является, по нашему мнению, результатом не собственно перекодирования (хотя, по-видимому, при определенном уровне владения иностранным языком можно говорить о перекодировании говорящим (или пишущим) языковых единиц с родного языка на иностранный), а интерференции, т. е. неосознанного влияния “первичного кода” родного языка при использовании “вторичного кода”, усвоенного позже иностранного языка, в качестве средства общения [3, 88].

С развитием семиотических идей в лингвистике вопросы межъязыковых взаимодействий все чаще стали рассматриваться с позиций межъязыкового перекодирования или переключения кодов. Такое толкование проблемы способствовало выделению новых типов, но, к сожалению, так и не привело к решению проблемы типологии образованных в результате языковых явлений. Как справедливо отмечает Я. К. Радевич-Винницкий, в современной лингвистике “обычно исследователями отмечается только полное и неполное переключение” [13, 171]. При полном переключении лексико-семантические, грамматические, фонетические и другие компоненты языковых единиц принад-

лежат одной языковой системе (являются знаками одного кода), тогда как неполное переключение представляет собой ту или иную уровневую и подуровневую комбинацию компонентов.

Достаточно многочисленные в зарубежной лингвистике исследования по проблеме кодового переключения [12] обычно исходят из существования двух типов, в зависимости от того, происходит ли переключение кодов внутри предложения или на границе предложений (*intersentential/intrasentential*).

Таким образом, проблема типологии кодового переключения и межязыкового перекодирования, а также образованных в результате языковых явлений до сих пор не получила однозначного решения и остается дискуссионной. В этой связи, мы предлагаем исходить из предложенного Э. Хаугеном взгляда на языковые единицы, образованные в результате языковых взаимодействий (или контактов) как на “непрерывный континуум”, где можно, однако, выделить определенные стадии. Принципиально созвучным является также предложение Л. М. Баш создать “некую систему координат” и распределить “целый ряд весьма разнородных лексических феноменов”, объединяемых понятием заимствование, вдоль горизонтальной линейной оси [1, 27]. Однако, признавая важность хронологического и этимологического аспектов, разрабатываемых автором, мы сосредоточим свое внимание на определении природы межязыковых взаимодействий.

В результате все случаи кодового переключения и межязыкового перекодирования располагаются на одной оси, противоположными концами которой являются соответственно: кодовое единообразие, т. е. использование языковых средств одного (основного) языка и кодовое переключение, т. е. переход с одного языка на другой. Результатом кодового переключения является сосуществование единиц различных знаковых систем, иноязычной и исконной лексики. Под иноязычными вкраплениями, таким образом, мы понимаем языковые единицы, представляющие собой знаки не основного, а иного кода сообщения. Е. М. Верещагин справедливо отмечает, что такие слова являются не заимствованной, а используемой лексикой чужого языка.

Промежуточное звено между кодовым единообразием и кодовым переключением представлено различными видами контаминации, т. е. смешения языковых систем. На этом отрезке можно выделить межязыковое перекодирование и интерференцию.

Межязыковое перекодирование представляет процесс кодирования единиц одной языковой системы в соответствии с правилами другой языковой системы. Все единицы, образованные в результате межязыкового перекодирования, являются, по существу, заимствованиями. Однако, термин “заимствования” может употребляться в более узком смысле, для обозначения ассимилированной лексики [4, 97], слов, вошедших в систему ЯП. Поэтому предпочтительнее было бы ввести другой термин, например, транс-системные элементы, который указывает на способ образования соответствующей единицы, переведенной из одной знаковой системы в другую (т. е. перекодированной).

Поскольку результат межязыкового перекодирования далеко не всегда закрепляется в ЯП, возникает необходимость в подразделении транс-системных единиц с точки зрения их статуса (т. е. положения в системе ЯП). За единицами, вошедшими в состав ЯП, целесообразно сохранить термин “заимствования”, хотя необходимо уточнить критерии, определяющие, что слово иноязычного происхождения стало фактом ЯП. Что же касается единиц, перекодированных по правилам другого языка, но не вошедших в систему последнего (т. е. существующих на уровне контекста), мы предлагаем именовать их интерсистемными, поскольку, будучи связанными определенными отношениями с системами двух взаимодействующих языков, они не принадлежат ни к одной из них, являясь маргиналами. К этой категории относятся разные виды контекстуальных средств, например, окказиональные заимствования, индивидуально-авторские неологизмы, а также экзотизмы.

Несмотря на существующие трудности дифференциации различных типов языковых явлений, образованных в результате межязыкового перекодирования (в силу разнообразия случаев, с одной стороны и взаимопересечения свойств и характеристик, с другой стороны), исследования последних лет доказали возможность их разграничения на основе комплекса признаков. Так, О. И. Кальнова, детально исследовав присущие экзотизмам характеристики, считает возможным их выделение в “особый пласт”, особую лингвистическую категорию, на том основании, что: во-первых, выявленные признаки “присущи экзотизмам в большей степени, чем другим группировкам иноязычной лексики”; во-вторых, “ни одна другая языковая группа не обладает таким комплексом признаков” [4, 102].

Особое место в ряду исследуемых промежуточных явлений занимает интерференция, т. е. “процесс уподобления нового материала (по его звучанию, структуре на всех уровнях, осмыслению и т.д.) речевым явлениям родного языка” [3, 88]. Поскольку данный случай представляет собой результат не смешения систем, а наложения первичного кода на вторичный, мы отличаем его от межъязыкового перекодирования. Такие явления являются не транссистемными, а скорее внесистемными, с той точки зрения, что кодируются с нарушением некоторых норм соответствующего языка. К тому же, как показывают наблюдения, носители данного языка легко узнают в них единицы-образцы, чего нельзя сказать об интерессистемных элементах.

Проведя параллельное исследование иносистемных и интерессистемных единиц на материале творчества Ф. М. Достоевского, мы пришли к выводу о возможности и целесообразности такого разграничения. Качественно-количественный анализ, проведенный в рамках интегративного подхода (по трем основным аспектам: семиотическому, общелингвистическому и литературоведческому) показал, что при принципиальной общности природы интерессистемные единицы отличаются от иносистемных по целому ряду показателей.

Наиболее очевидное отличие иносистемных единиц от интерессистемных заключается в их графическом (фонетическом) оформлении. В отличие от иносистемных, интерессистемные языковые единицы вводятся в графике ЯП. Наиболее распространенными способами перекодирования означенного является транскрипция (например, *пуант* от франц. *pointe*, *вундерфрау* от нем. *Wunderfrau*, *outchitel* от рус. учитель) или транслитерация (например, *интрус* от франц. *intrus*). В ряде случаев используются различные словообразовательные приемы, вплоть до образования слов, лишь отдаленно напоминающих оригинал (например, *омбрелька* от франц. *ombrelle*, *фенезерф* от франц. *finer herbes*).

Однако, данное отличие отнюдь не единственное и дополняется рядом несоответствий и на других уровнях. Если интерессистемные единицы представляют исключительно словоформы, то доля словоформ по сравнению с предложением и словосочетанием среди иноязычных вкраплений невелика (от 6 % до трети в зависимости от жанра произведения). Кроме того, интерессистемные единицы оформляются с помощью морфологических (как словоизменяемых, так и словообразова-

тельных) средств русского языка, т. е. ЯП. При межъязыковом перекодировании могут также изменяться грамматические характеристики соответствующих единиц (род, число существительных, вид, управление глагола). Так, например, существительные с конечным согласным в русском языке традиционно мужского рода, соответственно при межъязыковом перекодировании род существительных меняется: *променад* (м. р.) от франц. *promenade* (ж. р.), *контенанс* (м. р.) от франц. *contenance* (ж. р.), *табльдот* (м. р.) от франц. (ж. р.) *table d'hôte*.

Что же касается семантического уровня, употребление интерессистемных единиц сопровождается в ряде случаев достаточно серьезными изменениями семантики, тогда как использование иноязычных единиц обычно не выходит за рамки общеязыковой нормы ЯИ. Сопоставление значений, в которых интерессистемные единицы используются писателем, со значениями соответствующих иноязычных прототипов (послуживших источником для межъязыкового перекодирования) по данным словарей XIX века показало, что автор далеко не всегда точно воспроизводит значения ЯИ. Причем, изменения могут затрагивать как денотативный, так и коннотативный компонент значения. Можно привести примеры как расширения значения (так, сема “далекий” в значении франц. *voyage* утрачивается в слове *вояж*, которое используется для обозначения как поездки за границу, так и прогулки), так и сужения значения (*франшировать* от франц. *frapper* “faire impression” в значении “неприятно удивлять, поражать”). Для интерессистемных единиц характерно также значительное увеличение доли переносных употреблений (например, *вояжировать* в значении “бредить”) по сравнению с иносистемными.

С точки зрения стилистических функций ино- и интерессистемных единиц в тексте также не наблюдается зеркального соответствия. Интерессистемные единицы чаще используются в узкоспециальном значении, близком к терминологическому, как характеристика национально-культурного своеобразия, либо с оттенком двусмысленности, фамильярности. Тогда как среди самых распространенных функций иносистемных единиц такие, как функционально-стилевая, эмоционально-экспрессивная или функция отчуждения. Хотя, поскольку контексты употребления ино- и интерессистемных единиц принадлежат перу одного автора, то безусловной является некоторая общность прагматической установки, обусловленная позицией писателя, осо-

бенностями его мировоззрения и отношения к иностранному языку как символу иной культуры.

Таким образом, несмотря на близость лексических единиц, образованных в результате процессов переключения языковых кодов и межязыкового перекодирования, они представляют скорее смежные, чем идентичные явления.

Кроме того, было выявлено также, что процесс адаптации лексики иноязычного происхождения в ЯП носит комплексный и поэтапный характер. Первым подвергается адаптации графический (фонетический) уровень. В творчестве Ф. М. Достоевского выявлено несколько случаев, когда иноязычные предложения вводятся в графике ЯП (т. е. русского), сохраняя при этом на всех других уровнях (морфологическом, синтаксическом, семантическом) свойства, присущие им в ЯИ. Такие случаи существенно отличаются от собственно интерсистемных единиц (и используются автором с особой целью — подчеркнуть “русский дух” говорящего), доказывая, однако, что перекодирование может осуществляться только на одном уровне, затрагивая в данном случае лишь означаемое.

С другой стороны, анализ показал, что степень адаптации на морфологическом и синтаксическом уровнях зависит от грамматической категории иноязычных единиц. Имеется в виду тот факт, что синтаксической адаптации подвергаются словоформы и словосочетания независимо от того, какими единицами они представлены — иносистемными или интерсистемными. Показатели морфологического согласования также могут присутствовать у иноязычных лексических единиц (словоформ или словосочетаний), хотя такие случаи и единичны.

Семантическая адаптация также проходит несколько этапов. Первоначально значения перекодированных единиц практически соответствуют ЯИ, однако, они не один раз проходят сквозь своеобразное сито прежде, чем закрепятся в ЯП.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать все языковые явления, образованные в результате кодового переключения и межязыкового перекодирования, как располагающиеся вдоль одной оси, на которой выделяются своего рода “узловые моменты”, отделяющие переходные стадии. Мы различаем иносистемные единицы, использование которых является результатом переключения языковых кодов и интерсистемные единицы, образованные в результате межязыкового перекодирования.

Все выделенные группы в свою очередь могут быть классифицированы с различных точек зрения:

– в зависимости от степени распространенности: интернациональные, региональные, общенациональные, групповые (диалектизмы, профессиональный жаргон, молодежный сленг), индивидуальные;

– в зависимости от частоты употребления: узловые и окказиональные;

– в зависимости от степени освоения в ЯП: полностью, частично ассимилированные и не ассимилированные.

Совокупность этих и других характеристик в сочетании с указанием основных причин употребления соответствующих единиц и их наиболее типичных функций и должны быть, по нашему мнению, положены в основу более детальной классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баш Л. М. Дифференциация термина “заимствование”: хронологический и этимологический аспекты / Л. М. Баш // Вестн. Моск. ун-та. — Серия 9. Филология. — 1989. — С. 22—34.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. VI. — С. 25—60.
3. Ветлугина Ф. А. Сопоставление словообразовательных средств родного и иностранного языка как условие произвольного запоминания иноязычной лексики при субординативном билингвизме / Ф. А. Ветлугина // Психология билингвизма. — М., 1986. — Вып. 260. — С. 87—94.
4. Кальнова О. И. Экзотизмы как лингвистическая категория / О. И. Кальнова // Проблемы русской лексикологии. — Самара, 1991. — С. 95—103.
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Рус. яз. в школе. — 1994. — № 6. — С. 56—63.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М.: Наука 1968. — 208 с.
7. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопр. культуры речи. — 1966. — Вып. VII. — С. 60—68.
8. Летаева Л. А. Изучение галлицизмов в русском литературном языке предпушкинского периода / Л. А. Летаева // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. — Тюмень, 1988. — С. 100—106.
9. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. — 144 с.
10. Маковский М. М. К проблеме так называемой “интернациональной” лексики / М. М. Маковский // Вопр. языкознания. — 1960. — № 1. — С. 44—51.

11. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. — М. : Агенство “ФАИР”, 1998. — 352 с.
12. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е. А. Проценко // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 146—150.
13. Радевич-Винницкий Я. К. Лексико-семантический компонент кодового переключения в речи билингва / Я. К. Радевич-Винницкий // Проблемы русской лексикологии. — Саратов, 1991. — С. 170—180.
14. Савельева Л. В. Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности / Л. В. Савельева // Язык и этнический менталитет. — Петрозаводск, 1995. — С. 25—44.
15. Супрун А. Е. Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // Филол. науки. — М., 1958. — № 2. — С. 51—54.
16. Хауген Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. VI. — С. 344—382.
17. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. VI. — С. 61—80.
18. Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики / О. Б. Шахрай // Вопр. языкознания. — 1961. — № 2. — С. 53—58.